

рассказ

Ахат Мужинский

Миссия

1

С ДЕТСКИХ лет он задавался вопросом правильности еды, поступков, всяких сколь-нибудь значимых действий. Мама давала ему на завтрак манную кашу, а он спрашивал, полезна ли она. Ещё на втором году обучения в школе он высказался, что партии в классе поставлены неправильно.

— Свет из окна падает с правой стороны, а ребята все у нас правши, и это вредно для зрения.

Протест свой он заявил на родительском собрании, которое проходило в воспитательных целях вместе с детьми. Родители бурно поддержали его, и в течение осенних каникул класс был переоборудован, партии развернуты правильной стороной к дневному свету.

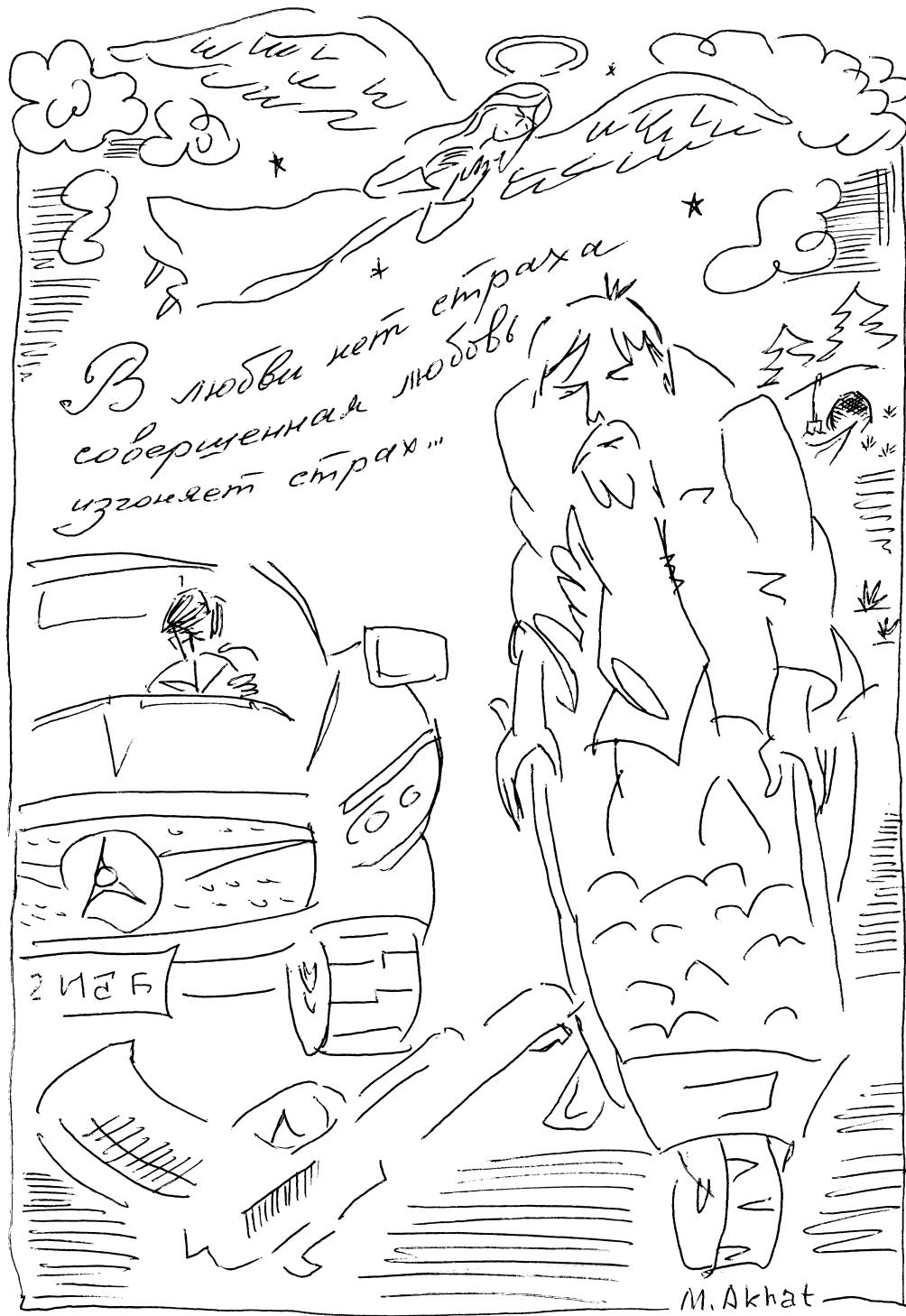
Сулейман учился хорошо, особенно успешно по математике, физике, химии. В седьмом классе стал даже победителем городской математической олимпиады. В финале следующей олимпиады его, как он сказал друзьям, прокатили. Больше в состязании Пифагоров он не участвовал. Учителя шипели на него, а друзья поддержали: правильно делаешь!

В друзьях у него ходили Стас Лыков, Рустик Харисов и Генка Кузьмин.

На местном наречии: Лыко, Харя и Кузя. Но Сулейман всегда всех звал по имени. Мальчишки как мальчишки. Гоняли на школьном дворе футбол, рыбачили на Волге или петляющей за микрорайоном Казанке... Хотя «панели», как называли их район крупнопанельных домов в городе, микроскопическим именовать было не совсем верно. Это был, можно сказать, город в городе — со школами, детсадами, магазинами, баней, военкоматом, разместившимся в старинной, обезглавленной церкви, Дворцом культуры, парком «Сосновая роща» и рестораном с одноимённым названием рядышком.

...Мальчишки как мальчишки, да не совсем обычные. В «панелях» среди подростков складывалась своя система взаимоотношений, своя иерархия, своя шкала ценностей. И верховодить здесь начинал предприимчивый и бесстрашный Лыко. Он был умён каким-то своим, вне школьных программ, умом и, несмотря на, в общем-то, не выдающуюся стать, был крепок и силён.

Харя был поздоровее, повыше ростом, совершенно не сдержан, что привело его к раннему знакомству с блюстителями правопорядка. После восьмого класса он ушёл из школы, поступил в строительный техникум, но от складывающейся команды Лыка не отдалился,

напротив – со Стасом Лыковым он сделался вообще не разлей вода.

Кузя был всегда при них. Тихий, не особо выделяющийся среди разухабистой братии, он отличался начитанностью, хорошо разбирался в технике, к восьмому классу у него появился мотоцикл, а к десятому – «тачка», что придавало ему особую значимость. Машина, правда, была не премиум класса... Собрал её практически сам, по частям, на основе отечественной «девятки», но на дорогах среди блестящих лаком и металликой авто Кузя со своими неизменными пассажирами чувствовали себя героями «Трёх товарищей» Ремарка.

Со всеми ими пай-мальчик Сулейман имел общий язык, шагал вместе... не так, чтобы в ногу, но по каким-то общим в их возрасте тропам. Юность сближает, юность слаживает противоречия интересов, которые со временем расходятся, как плавучие острова.

Во время закручивания гаек и репрессий со стороны беспощадной математики ребята приходили к нему за помощью. Сулейман щёлкал задачи, как орешки, объяснял, пояснял... Улица улицей, а школу всё-таки надо было заканчивать. За помощью к нему прибегал из техникума со своим сопроматом и Рустик Харисов.

В десятом классе окончательно стало ясно: Лыков пойдёт поступать на юрфак университета, Кузьмин – в авиационный институт, а Сулейман – в финансово-экономический, что гнездился на горе в центре города.

– А я буду строить вам всем гаражи под ваши «мерсы», – смеялся будущий строитель Рустик Харисов.

Частенько ребята называли Сулеймана Сулеймэном. А порой и просто Мэном. Это краткое обращение говорило о многом.

Сулейман легко поступил в намеченный вуз и закончил его с красным дипломом. Его взяли в банковскую систему на хорошую должность. Но скоро банк лопнул, и дипломированный Пифагор оказался на улице.

Он жил с больной матерью на пер-

вом этаже «панельки» в двухкомнатной квартире. Работы не было, но была пенсия у матери и масса свободного времени. Как говорится, нет худа без добра. Сулейман засел писать научный труд по своей любимой математике, идею которого вынашивал ещё со школьной скамьи. В быту он был неприхотлив, в еде сдержан, не прожорлив, на судьбу не жаловался.

Друзья не заставили себя долго ждать, заявились как-то под вечер «шумною толпою». Все трое – Лыко, Харя, Кузя. К тому времени дела их устремились в гору. Руст Харисов, и в самом деле, построил для «мерсов» своих друзей гаражи, заканчивал возводить среди низкорослых «панелей» элитную высотку; Кузя окончил авиационный институт, но по профессии не пошёл, разъезжал по неведомым делам на своём чёрном мерседесе, который стоял теперь под окнами Сулеймана; Лыко с юрфаком не справился, был отчислен со второго курса, зато осуществил мечту – стал своеобразным Аль Капоне Панелей. Все были семейными, не чета Сулейману. В армии успел отслужить только Харя.

– Хватит тебе прозябать! – сказал Лыко, вытаскивая из пакета бутылку коньяка.

– Я не прозябаю, – ответил Сулейман. – Пишу вот интересную вещь.

– Нобеля решил за неё заработать?

– Математикам Нобеля не дают.

– Слава Пелермана затерзала? – пошутил образованный Кузя.

– А чем чёрт не шутит! – хмыкнул Харя. – Наш Мэн ведь – го-ло-ва!

– Ближе к делу, – прервал остряков Лыко и изложил цель визита.

Сулейману предлагалось стать главным казначеем «панелей», как именовалась их группировка в городе.

– Не просто казначеем, – пояснил Лыко, – а главным экономистом сообщества.

– ОПГ¹, – поправил Сулейман.

– При чём тут преступность? Смотри,

¹ОПГ – организованная преступная группа.

какую созидательную работу мы ведём в районе: детскую площадку построили, какой в городе больше нет, детсад капитально отремонтировали, жилой дом возвели, инвалидам помогаем...

— Вдовам наших погибших ребят пенсион выдаём, — добавил Харя.

— Вот-вот!.. — воскликнул Сулейман.

— Я же говорю...

Лыко зыркнул на Харя и продолжил:

— Разное бывало по молодости, Мэн. Но сейчас остылились, и всё у нас легально. Просто мы строим работу без помощи государства, вне его, на конкурентной основе, так сказать. И у нас — люди ж видят! — получается. Вон вчера новостройку нашу по телевизору показали. Но возникла вот проблема с научной организацией нашей экономики. А ты финансово-экономический закончил, у тебя котелок варит — будь здоров! И мы друг друга знаем, как облупленные. С пёлёнок, можно сказать. Всегда были вместе, так продолжим!..

— И никогда друг друга не подводили, — добавил Кузя. — Чего бояться-то и сидеть тут, как пескарь в норе!

— Квартиру получишь в новом доме, — поддержал разговор Харя. — Четырёхкомнатную, с видом на Волгу.

— Зачем мне такая большая? — пожал плечами Сулейман.

— Дык, не всю ж свою жизнь в боязлях собрался провести! — Харя побратски взял Сулеймана за плечо. — Женившись, детишки пойдут. Да и Розе Касимовне свежий воздух нужен. А ты тут, на первом этаже, её астматические лёгкие маринуешь в сырости. В вашем подъезде всю дорогу пар валит из подвала, как в бане из парной! Вон в ванной, там же у твоего корыта ножки прогнили от сырости и отвалились. Кирпичами подменил, да? А лёгкие-то не подменишь!

Бутылку в тесной кухонке опорожнили. Втрёём. Сулейман отказался. Ему надо было писать свой труд. Да и вообще, он был не любитель этого самогоП... На прощание Лыко сказал:

— Мы не торопим, поверь своей алгеброй наше предложение, с Розой

Касимовной посоветуйся. Мать-то... она худого не посоветует. А зарплату себе сам назначишь. Исходя из общего бюджета. У нас всё по-человечески и прозрачно.

Харя как всегда добавил своё лыко в строку:

— Всё по твоим стандартам, Мэн: правильно и полезно. Полезно для всех жителей нашего городка.

Через две недели в «панелях» появился новый казначей, молодой мужчина, выше среднего роста, сутулый, с неизменным, времён царя Горюхина, портфелем под мышкой. Была у Сулеймана такая привычка — носить портфель особым образом, ещё со школьной скамьи. В широких кругах района он был практически неизвестен, но это для его новой должности даже к лучшему.

Казначайская группа расквартировалась на первом этаже готовящейся к сдаче высотки. Хозяин стройки Харя теперь всё чаще оказывался рядом с Сулейманом. Можно было подумать иногда, что он телохранитель казначея.

С новыми обязанностями своими Сулейман разобрался без особых затруднений. Единственным недостатком в его работе было то, что он относился к ней без учёта всяческой безопасности, будто обслуживал стройтрест, а не всё-таки, верти не верти, криминальную структуру. Лыко делал ему замечания, выговаривал членам прикрытия, но те не поспевали за стремительными шагами Мэна.

В первой половине декабря возвращались из банка. За рулём «бумера» Сулейман, рядом Харя, на заднем сидении — портфель, набитый купюрами. Харя был слегка с похмелья и попросил притормозить у кафе «Виктория», буквально сто метров от банка.

— Забегу, пропущу рюмочку, — сказал он. — А то голова не на месте.

В последнее время Харя всё чаще подпитывал себя алкоголем и даже заряжал свои ноздри порошками, плююшки которых искусно прятал в «пистончиках» своей одежды. Сулейман предупреждал его, что до добра это не

доведёт. Тот соглашался и продолжал, по его словам, снимать стрессы.

Харя скрылся за дверями «Виктории», а Сулейман вылез из машины и пошёл посмотреть на заднее колесо, которое стало подозрительно постукивать. Так и есть, шина заметно сдулась. Сулейман присел у колеса... На покрышке красовалась «липучка», специальное приспособление, которое при движении автомобиля выбрасывало остириё жала.

– Не было печали! – произнёс было Сулейман, как страшной силы удар обрушился на его голову, и весь белый свет погрузился во мрак.

84

2

Марфа в город приехала из деревни. Ей исполнилось восемнадцать лет, и она хотела поступить в медицинский институт. Экзамены сдала, но не прошла по конкурсу. Домой возвращаться не хотела ни в какую. Там отчим, вечно пьяный, хоть выжимай. К тому же пристаёт. Как-то в дровянике прижал к поленнице, полез под юбку... Да Божий глаз всевидящ! С верхотуры вдруг посыпались поленья. Её чудом не задели, а его нещадно побили. Матушка отпаивала мужа лечебными травами, компрессы ставила... А он, когда жена отлучалась, шипел:

– Ничё, Марфа-посадница, ты у меня ещё попляшешь!

И демонстрировал пальцами непристойные знаки.

С какой стати «посадница-то»? Слышишь, видать, звон, да... не знал истории он, был необразован, подрабатывал топором и рубанком по близлежащим деревням и каждый божий день к вечеру напивался. Всё хозяйство лежало на плечах матушки с ней. Гнать бы алкаша взашей, да нет, держалась мать за него, как за опору какую. А про пополновения муженька к дочери не ведала.

В городе Марфа устроилась работать в ресторане «Сосновая роща».

Была сперва посудомойкой, потом и гардеробом заведовала, и курьером бегала... В «панелях» нашёлся для неё жилой угол – у одинокой старушки.

Однажды Лыко подозревал девицу и сказал:

– Ты же в медицинский поступала...

Та утвердительно кивнула.

– Целителем хотела стать?

Марфа опустила голову.

– Так вот, – продолжил он, – не хочешь ли получить настоящую практику в большой хорошей больнице? У нас там из реанимации в палату перевели одного нашего друга и надо за ним поухаживать, помочь на ноги встать.

Она ответила согласием.

У Лыка был намётанный глаз. Он сразу понял, что лучшей сиделки для Сулеймана не найдёшь. Роза Касимовна? За ней самой нужен был уход. Она могла только изредка навещать сына.

С чем столкнулась Марфа в больнице, пером не описать. В одноместной палате нейрохирургии, куда поместили Сулеймана, она дневала и ночевала. Благо, для сиделки там была предусмотрена кровать. Но пользоваться ею почти не приходилось. Ночью пациент не спал, он постоянно порывался уйти домой, бежать в какое-то поле... Самого ноги не держали. Нёс откровенную бредятину, не связанную с его реальной жизнью. Разумных слов не понимал. Вначале его привязывали к кровати, позже Марфе приходилось применять физическую силу, бороться в прямом смысле слова. Ребята порой подменяли её, но после первой же ночи, полной единоборства, ретировались – подыскивали себе на будущее замену. Непосильно было не физическое его сдерживание в специальной кровати с невысокими заградительными решётками по бокам, а безостановочный поток бессмыслицы, от которого мог любой с ума сойти.

Не подлежит описанию, как Марфа кормила его из ложечки, как служила подпоркой, когда он волочил непослушные ноги свои вдоль стен с перилами, каких усилий – не грех сказать! – стоило

пробить каменную пробку, образовавшуюся от длительного застоя кишечника... Да не перечислить всего того, что вдруг взялось, казалось бы, ниоткуда!

Доктор Иван Иванович Калинкин сказал простым, доходчивым языком:

— Травма у Сулеймана серьёзная. Трещина черепной коробки от затылка до лба. — И добавил: — Организм молодой, будем надеяться. Время и терпение, время и терпение... А мы тут делаем всё возможное.

Время шло, неделя за неделей и казалось, что он никогда уж в себя не придёт. Да, понимал команды: открай рот, поработай кулаком перед уколом, не шевелись — систему ставим... Но в то же время продолжал такие фантазии выдавать в своих длительных монологах, никакой профессиональный сочинитель не перекроет.

Однако на исходе четвёртой недели он вдруг заговорил осмысленно.

— Ты кто? — спросил он.

— Я Марфа, — ответила Марфа.

— Может, Марфуга¹?

— Нет, Марфа. Сиделкой около тебя сижу. А ты в больнице находишься.

— Это я знаю, что в больнице. А где мама?

— Она дома. Вчера только у тебя была.

— Вчера?

— Да, да, вчера.

— А сегодня какое число?

— Пятый день января сёдня.

— Что... уже Новый год наступил?

— Наступил. Мы его с вами вдвоём отпраздновали.

— Каким образом?

— Я вас отпустила. Шагнула к столу, чтобы соку налить, а вы у меня за спиной через заграждение уже успели перелезть и упали на пол.

— Да?

— И нос разбили. Я на переносицу пакет йогурту из холодильника прикладывала, кой-как кровь остановилась.

— Значит, проводили старый год?

— Ох, проводили, проклятый!

Больше Сулейман ни о чём не расспрашивал. Закрыл глаза, переваривал услышанное.

Уже к вечеру прибежали Лыко с Кузей, извещённые, что Сулейман оклемался. Радости своей они не скрывали. Шутили, хохмili... Но когда Сулейман спросил: «А где Рустик?», друзья разом присмирили.

— Рустик? — переспросил Лыко и после паузы ответил. — Рустик наш в командировке.

Скоро Сулеймана перевели в реабилитационный центр. В том же здании, только этажом ниже. Марфа последовала за ним. Там они крутили педали на велотренажёре, наматывали километры на самодвижущейся беговой дорожке, решали головоломки, читали вслух книги... После полного курса его выписали домой, и она опять последовала за ним. В его новую квартиру.

Продолжить восстановительную работу настоятельно попросил Лыко. Но главное, позвал её к себе Сулейман.

Марфа была привлекательна своей неброской красотой, как наша скромная природа на Средней Волге. У нас нет Альпийских гор, мексиканских пальм и пляжей, но наши берёзовые рощи, бескрайние поля и речные дали будят в нас не пылкую, но спокойную и верную любовь.

Роза Касимовна приняла Марфу благосклонно. Небольшого росточка, безропотная, бывший библиотечный работник, она была благодарна ей — так ухаживать за сыном она и в молодые годы не смогла бы. Кстати, Харя, как в воду глядел, астма у неё на новой квартире пошла в отступление, на двернадцатом этаже дышалось легче.

С работой главного казначея не торопили, и он опять принялся за свой математический труд. Корпел и днём, и ночью. Скоро закончил его, и они с Марфой отвезли работу в университет. Ничего не делать Сулейман не мог и стал потихоньку спускаться на первый этаж, к себе в кабинет, который до его возвращения был запечатан. В былые

¹ Марфуга — татарское имя. Означает нечто высшее.

обязанности он стал втягиваться постепенно – придёт, что-то спросит, что-то полистает... Но однажды столкнулся с Лыковым, тот собрал всех и объявил о полном возвращении главного казначея.

Работа у него пошла на полную катушку, будто и не было длительной отлучки. Одно не мог простить себе: зачем отпустил тогда Рустика Харисова в кафе «Виктория»! Был Сулейман человеком непьющим, а на могиле одноклассника и друга за упокой его мятежной души опорожнил гранёную стограммовку до суха. Со временем память восстановила все детали той злосчастной поездки в банк. А Лыко с Кузей дописали картину полностью: портфель с деньгами, гады, забрали, выбежавшего из кафе Харю застрелили. Кто это сделал? Какая разница! Их нашли и наказали.

Без Марфы-то ничего не получилось бы у Сулеймана. Правда, она не раз повторяла, что Всевышний отпускает испытания в меру сил человеческих. А как же Руст Харисов? А это уже, по её утверждению, промысел дьявола.

Она верила в Бога, поставила в угол своей комнаты на тумбочку иконку и жизнь свою строила праведно. Все поступки её были выверены и не противоречили взятым на душу безусловным канонам.

Её правильность Сулейману была по душе, он считал Марфу выше и чище себя. Но вот набожность смешала. Он уважал её духовный выбор, называл себя сочувствующим, но в Бога не верующим. Нередко он подшучивал над ней. Раз завёл, как бы размышляя вслух:

– Вот Библия... И сказал там Бог: да будут светила на тверди небесной... На какой это тверди? Можешь объяснить? Или вот на одной странице пишется: Бог сотворил человека по образу своему – мужчину и женщину. Благословил их и сказал: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» А на другой размещает мужчину в раю, создаёт из его ребра женщину и за услышание – отведали с дерева познания запретный плод – изгоняет обоих из рая. Какой же странице верить?

Не получив ответа, Сулейман продолжал:

– То не убий, то око за око. Или вот... Всех дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет. Чуть-чуть парень до тысячелетия не дотянул! Это, конечно, хорошо. Но ведь Господь раскаялся, что создал человека на земле, и сказал: истреблю с лица земли людей, которых сотворил... ибо раскаялся, что создал их.

– Что, прям так и написано? – усомнилась Марфа.

– Почти дословно, – ответил Сулейман. – И после этого он милосерден?

Марфа не нашлась, что сказать.

– Ты сама-то читала Библию?

– Начинала... Да запуталась, помнится, быстро. Больно густо там всё. Как в лесу. Не раз заходила, но...

– Согласен, – не дождался конца фразы Сулейман, – непростое это чтение. Но как верить, если не знать? А если знать, трудно поверить. Павлова спросили: верит ли он в Бога? И великий учёный сказал: «Я окончил духовную семинарию, и как после неё могу верить?» Знания и вера плохо уживаются.

– А я верую, пускай и нешибко грамотна.

– На том вера и зиждется, дорогая! Ты же сама вот своими словами...

– Вера, ежели она настоящая, не нуждается ни в подтверждениях, ни в доказательствах. На то она и вера! Глянь на это звёздное небо, откуда такая красота могла взяться, как не от Господа нашего Бога!

Разговор этот они вели во время вечерней прогулки, на которую Марфа каждый поздний час заставляла выходить своего подопечного. Вся в россыпи звёзд молодая, мартовская ночь лила на землю холодный свет, остужая её от дневной оттепели ранней весны. Между голых веток тополя застяжал студёный серп луны. В воздухе витал дух обновления и надежд, какой бывает только в пору молодости.

– Библию такие же люди писали – Матфеи, Марки, Иоанны, – продолжила после некоторого молчания Марфа. –

А люди, как известно, могут быть неточны, могут ошибаться. Вот, кстати, святой апостол Иоанн Богослов... Мне его послание особо запомнилось. Посуди сам: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём». А-а?! Это тебе не теорема Пифагора! Или вот: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Я ведь, Сулейманушка, человек тёмный, меня и в медицинский институт не взяли. Одна только вера в Господа и осталась. Живу вот по Божьим заповедям. Они освещают душу и для меня совсем не тяжки.

Сулейман не отозвался, он поднял глаза к небу и начал машинально перебирать взглядом созвездия Большой Медведицы, Кассиопеи...

Основы математики, физики, астрономии легко уживаются в одном человеке.

3

Теория вероятностей изучает закономерности случайных явлений, случайных событий...

Из раздела математики

Господь Бог повелел или это просто один из законов природы, но судьба, выпавшая на долю Марфы и Сулеймана, в немалой степени случайно свела их в больнице и совершенно закономерно потом соединила сердцами. Ничего необычного тут нет. Примеров, когда сёстры милосердия выхаживают поврежденных бойцов и в итоге узы Гименея навечно связывают их, предостаточно.

Сулейман никогда на девиц не заглядывался, был своими делами вечно закопан. А тут повезло – получил по голове и в качестве откупа – Марфу.

На вечеринке, заменившей свадьбу, Лыко заметил:

– Даже не поухаживал ведь за невестой!

– Зато она за ним поухаживала, – уравновесил друга Кузя.

Начали семейную жизнь как про-

должили. Неразлучны-то ведь были уже с больничной койки!

Как-то Сулейман сказал Марфе:

– Надо бы наш брак в загсе зарегистрировать.

– Зачем?

– Чтоб был он законным.

– Неужели тебе какая-то земная печать важна, когда мы на небесах с тобой зарегистрированы! – был её ответ. Венчаться в церковь не звала. Понимала...

В начале мая умер отчим Марфы. Она в тот же день, когда пришла телеграмма, сорвалась в своё родное Васькино Поле и пробыла там больше недели. Сулейман ждал её расстроенной, а она вернулась какая-то просветлённая.

– Матушку повидала. Подруга Таисия сыночка родила. В церковке нашей за тебя помолилась, совсем она обветшала, родимая...

– Деревня-то?

– Да и деревня вся тоже. Мост через Буравку провалился. Однако так захотелось опять там пожить!

А про отчима ни слова.

В конце того же мая Сулеймана вызвали в университет и объявили, что его работа выдвинута на Международную математическую премию Лобачевского. Сулейман воспринял это как должное. К тому же ему предложили в новом учебном году прочитать курс лекций на тему своего научного труда, с которым он привёл в изумление математический мир университета. Он обещал подумать.

В июне случилось непоправимое. Скончалась Роза Касимовна. Тихо, мирно, во сне. Утром просто не проснулась. Для Сулеймана это было потрясением. Для многих мать с возрастом отходит на второй план. Для него же она была частью его самого, неотъемлемым миром, как воздух, как вода, без которых не жить. Он страшился даже думать о её возможной кончине. И вот случилось.

Это было подобно удару битой по голове. Сулейман ходил как чумной, всё из рук его валилось. И тут опять ангелом крылатым, подхватившим вторично за полгода поврежденного колосса, явилась

всё та же Марфа. Лыко с Кузей тоже не остались в стороне.

Сулейман ещё больше ссугутился, лицо посерело, нос свесился, как у Гоголя. В руках новый портфель, но не привычно и весело под мышкой, а както бесприютно у колена. Но вот одним утром вышел к Марфе, копошившейся на кухне, с шальной улыбкой на прояснённом лице.

– Марфуша! – обратился он к ней. Называл так её редко, только когда бывал в превосходном настроении. – Сегодня под утро у меня было видение. Нет, не сон, а именно – видение. Это был мужчина в белом, лицо ясное, борода клинышком...

– Иисус! – перекрестилась Марфа.

– Не знаю, – ответил Сулейман. – Может, Иисус, может, пророк Аллаха Мухаммад, а может, доктор Калинкин, который меня вылечил. Всё-таки на Ивана Иваныча больше похож.

– Потому что одного его ты только и видел вживую.

– Говорю же, не знаю. Только он сказал мне, чтобы я пошёл и копал. Я спросил: «Яму, пещеру?» Он ответил: «Подземный путь». Я уточнил: «Куда?» На это он указал перстом: «К истине». И прибавил: «Это твоя миссия».

– Точно Иисус Христос! – воскликнула Марфа. – Не мог Иван Иваныч такое предложить. С его-то мировоззрением!

– И что теперь?

– Надо подумать.

– Где копать? – усмехнулся Сулейман. Но самому было не до шуток. Видение своё он, до мозга костей материалист, воспринял неожиданно серьёзно.

Потекли дни внешне обычные, однако ни о чём другом теперь Сулейман думать не мог. До какой истины он должен докапываться? И что, теперь это его главное предназначение на земле, смысл жизни? Но на какой земле копать-то, в конце концов, где? За окном асфальт и панельные дома. По обозримым берегам Волги – промышленные территории, грузовой порт, речной и железнодорожный вокзалы, санатории, дачи...

Не в стороне от проблемы была и Марфа:

– Поехали к нам в деревню. Вокруг Васькиного Поля у нас такие просторы! Километрами копай.

– Ты серьёзно это?

– А что! Тебе ж надысь лик Божий явился и сказал, что это твоя миссия святая.

Муж слушал свою дорогую жену, которая стала ему и матерью, и ангелом-хранителем, вспоминал послание свыше, и противоречивые мысли, не поддающиеся математическому расчёту, клубились в его голове.

А Марфа изо дня в день рассказывала о прелестях своей деревни.

– По утрам, ещё до солнышка, вместе с туманами и тишиной такая благодать по земле разливается, аж дух захватывает! У матушки там корова, гуси, куры... А какая рыбалка на Буравке!

– Я что, на рыбалку собрался?

– Ну не круглые ж сутки будешь копать. А перед работой парное молочко!

Наконец Сулейман решился. Отверг университетское предложение читать лекции, выдержал атаку Лыка с Кузей, стал решительно собираться. Друзья есть друзья, обещали приглядеть – и за квартирой, и за машиной... «Всё равно вернёшься», – предсказывали.

Они же поехали провожать взбалмошного друга с женой на вокзал. Лыко уже не уговаривал, понимал, что бесполезно, просто говорил, чтоб облегчить душу:

– Сам математик, человек с пелёнок прагматичный... И какая польза от пустого землеройства?! – Друзья были посвящены в его планы. – Барсук и тот с умом роет, убежище себе создаёт. Не зна-а-аю!.. – то и дело тянул Лыко и пожимал плечами: – У любой бессмыслицы, конечно, своя правда...

– Бери выше! – перебивал начитанный Кузя. – Правда правдой, но понятие более высокого порядка – истина. Он же за ней едет.

– За туманом и за запахом тайги, – вспомнил старую песню Лыко.

— У нас не тайга, — поправляла Марфа. — У нас лесостепь.

Герой беспримерного предприятия помалкивал.

4

Уже на второй день по приезде в Васькино Поле Сулейман отправился рекогносцировать близлежащие пространства. Это было непростое дело. Начать копку можно повсюду, но ведь надо рассчитать её продолжение, оценить почву и так далее... Не сразу землекоп определил место старта своей миссии. Пришлось побродить, поискать, и оно было найдено на берегу Буравки. На правой её стороне, на крутом склоне за полуразрушенным мостом.

Накануне вечером Сулейман ещё раз осмотрел-подправил шанцевый инструментарий. Его здесь было предостаточно. Имелись разного калибра лопаты, ломы, похожая на ледоруб кирка... Обнаружилась и вполне нормальная тачка.

К ужину у тёщи, Марьи Петровны, поспел грибной пирог. Покаёвничали, поболтали. Как ни странно, Марья Петровна, краснощёкая, крепкая баба, державшая на себе всё хозяйство, стало быть, здравомыслящий человек, согласилась с затеей...

— Лишь бы у вас, детки, всё ладно было! С голоду не помрём.

— Почему у вас здесь всё так позаброшено? — спросил невпопад новоявленный зять. — Дома стоят с заколоченными окнами... А жилые — все какие-то скособоченные. Ваш сосед вон по окна в землю ушёл.

— Работы тут молодым нету, — вздохнула Петровна. — Бегут все в город. Для родного погоста одни старики и старухи остались. Соседние Грибки, глянь, полностью вымерли.

— Гляну завтра, — ответил Сулейман, запивая ужин чаем с молоком. — А ваше-то хозяйство не чета другим...

— Стараюсь, пока жива, — скромно

приняла похвалу хозяйка. — Но долго, чую, тоже не протяну.

Утром, когда августовская ночь только-только дала слабину, Марфа, как и просил муж, разбудила его:

— Пора, Сулейманушка!

Он пробирался по раздолбанному мосту и думал о ней. Он знал жён Лыкова, Кузьмина, ребят по работе, и ни одна не могла сравниться с его Марфой. Другая бы сказала: ты что, дурак? такую работу в городе бросать, чтобы с высшим образованием, с математическими мозгами поехать в какую-то деревушку землю копать?! Он хорошо понимал её бесценность, но был с нейдержан. Негоже свою родную жену одаривать разными красными словцами да комплиментами.

А ещё он думал о запустении, царившем в деревне. Не только здесь, а вообще. Вон соседние Грибки, о которых говорила Марья Петровна... Хоть фильм по платоновскому «Чевенгур» снимай! Декораций не надо.

С другой стороны, никому дела до него в этой пустоши не будет. Зачем копаешь и есть ли разрешение? Кто тут такими вопросами задастся!

Почва в августе мягкая. Вверху, над головой, свисают с кручи космы бурьяна, внизу катит свои воды Буравка, в стороны по руслу — дали бескрайние. Совковая лопата берёт прибрежный песок без особой натуги. Погода... Очей очарованье! По синему небу плывут белые облака, на отмели почти такого же цвета реки набегают белопенные буруны. Тишина, спокойствие, впереди нелёгкий, но праведный труд и душевное равновесие. Главное, запеть, а припев к песне само собою споётся...

Сулейман поработал до полудня и, перебравшись по тому же мосту на свою сторону реки, пошёл полем домой. Было б начало лета, собрал бы полевых цветов. А так — рюкзак за плечом, совковая и штыковая лопаты на плече и буйная трава под ногами, из которой то и дело вспархивают длинноногие жаворонки, чтобы мигом зазвенеть в небесах.

Так началась его миссия. Каждое утро Марфа будила мужа, и он отправлялся на службу. С каждым разом продолжительность рабочего дня увеличивалась. К концу лета он возвращался уже вместе с деревенским скотом, нагулявшимся на раздольных пастбищах и погоняемым полуумным пастухом Васькой, который рассказывал, что деревня в честь него названа... и полей, на которых он пасёт деревенское стадо. Какое уж стадо! Две коровы, три овечки...

Песчаная разработка сменилась обычным чернозёмом. Сулейман резал его штыковой лопаткой и думал: на этой земле не чертополоху бы буйствовать, а сортовой пшенице колоситься. Имел в виду: над головой, где было уже не синее небо, а чёрный пласт тяжёлой земли.

В сентябре из университета пришла телеграмма: ему присуждена премия Лобачевского. В тот же день приехали Лыко с Кузей. Стали уговаривать вернуться: с ним они были, как за каменной стеной, а теперь разные проверки, комиссии продыху не дают, замучились штрафы платить. И вообще, всё как-то в «панелях» наперекояк пошло.

— И что пользы, червем землю бурить? Давай уж, Мэн, возвращайся! — убеждал Лыко. — Тебя Бог гениальным мозгом одарил не для того, чтоб ты тут лопатой махал. Сумасшествие какое-то! Все газеты о тебе пишут, с Лобачевским сравнивают, премию тебе там важную присудили, а ты... Возвращайся! Разве, ядрёный корень, какой-нибудь ревизор или следователь вшивый посмеет на тебя, гордость республики, бочку покатить!

— Поехали, — вторил Кузя. — Ты же любые задачи, как школьные орехи застолб... А их у нас, проблем этих, нынче выше головы. Выручай, Мэн!

— Да уж, — бурчала в стороне Марфа, — один раз уж получил с вами по башке, чуть на тот свет не спровадился! И опять туда же?

— У меня, друзья мои, раздвоение личности, — качал головой Сулейман. —

И вам хочу помочь, и миссию свою не могу бросить.

— Миссионер хренов! — выходил из себя Лыко. — Сколько километров уже перемолол?

— Миссия не только удел миссионеров, — возражал Мэн. — А сколько проидено, у меня всё учтено в моём дневнике.

— Лучше покажи свою барсучью нору.

— Пойдёмте... Сегодня у меня выходной, так и быть, проведу экскурсию.

...У моста машину пришлось остановить и пойти пешком. Вход в подземную копь сразу было не разглядеть. Она была задрапирована досками, полиэтиленом и поверх всего дёргом.

— Милости просим! — сказал Сулейман, освободив от прикрытия зев чёрной дыры.

— А куды из шахты породу деваешь? — поинтересовался Кузя.

— А туды, — ответил шахтёр, — прощаю. Жить-то на что-то надо. — И протянул друзьям по обыкновенному фонарю.

Лыко пропустил шутку мимо ушей.

— Давай первым, — подтолкнул он Кузю. — Я за тобой.

Тот не совсем радостно произнёс «хорошо» и полез, кряхтя, как старый дед. Через минуту за ним последовал и Лыко. Сулейман остался у входа. Было солнечно и тепло. И он, глядя на реку, подумал, что скоро настанут нешуточные холода, которые не к лучшему изменят проходку.

Сколько времени минуло, Сулейман не засекал, как вдруг тишину разорвали глухие хлопки, вырвавшиеся из тьмы проёма, вслед за которыми повалила густая пыль с пороховым дымком. Мгновение — и оттуда вывалился Кузя, за ним Лыко. Как они там поменялись местами? Уму непостижимо!

— Что случилось? — вспомнился Сулейман.

Кузя спрятал пистолет, снял кепку и принял неистово выбивать из неё пыль. Лыко стряхивал с плеч песчаную крошку.

— Что вы там, в конце концов?

— Что, что?! — вскричал Кузя. — Фонарь погас. А потом, а потом... Появился этот... Лохматый, с выпущенными зенками...

— И дуплетом ты его прикончил, — констатировал Лыко. — А потом через меня галопом... Донюхался, твою мать!

Сулейман нервно усмехнулся:

— Домовой, что ли, у меня там завелся?

— Домовой... — повторил Лыко. — Глюки у нюхача завелись, вот что!

— Ей-богу, он прямо на меня... — продолжал лупить кепку Кузя. — А ты не видел его? — обратился он к напарнику.

Лыко поднял на него глаза:

— Совсем спятил?!

Когда отряхнулись и немного успокоились, Стас Лыков сказал:

— Тебе там, Мэн, подпорки ставить надо, крепежи какие-то. А то вон с атакой твоего Домового не только Кузя, а и потолок не выдержал. Смотри, закукуешь в своём подземелье.

Сулейман поинтересовался всё-таки, сколько они прошли.

— До поворота дотянули? — И когда узнал, что — нет, прикинул: — Метров пятьдесят, значит.

Несмотря на пассаж, друзья оценили размах затяжных работ и уехали, не выказав обиды. Остался так остался. То ли прониклись идеей века, то ли посчитали, что удар битой по голове бесплодно не проходит.

5

После отъезда друзей Сулейман первым делом исследовал место обрушения своего подземного детища. Вторым делом отбил на почте райцентра телеграмму с отказом от премии Лобачевского в пользу университетской Школы молодого математика. Там же, в райцентре, договорился о «полуторке» с лесом для крепёжных работ в своём подземном царстве.

Грузовик пришёл через две недели.

За это время Сулейман всё-таки успел «закуковать» в рукотворной темнице после сильного обвала, кое-как выкопать себя, выплыти на белый свет и напрочь отказаться от своего и в самом деле существования.

— Всё, хватит! Поеду к верным моим Стасу Лыкову, Генке Кузьмину, в универ, в родной город, только вот на ноги встану.

Выхаживала опять Марфа.

Нехило его, в общем-то, придавило. Кровью харкал, до груди пальцем дотронуться не мог — так помял его неожиданный обвал. Впрочем, почему неожиданный? Был предупреждён, Лыко целую лекцию о технике безопасности прочёл. И внял ведь Сулейман разумному замечанию, зашевелился, заказал целый кузов стояков...

— Как же так?! — вопрошила Марфа, сидя у постели больного.

— Что копал, в то и попал, — отвечал он.

— Вразумлял ведь перед отъездом Лыков...

Но больше она не корила мужа, не увещевала, это был её последний всхлип. Она была сильной женщиной. Как и мать, как родной отец, которого она помнила, несмотря ни на что. Оказывается, жёны могут иметь вторых мужей, а дочки вторых отцов — нет, не могут. Хотя любое утверждение имеет своё опровержение. Ей же другого мужа не надо.

И после очередного его чертыханья, вслед за сотой клятвой вернуться к нормальной жизни она сказала:

— А как же миссия?

— Миссия?

— Её же не я придумала.

— Нет, не ты...

Чтобы разбить себя в лепёшку, нужна секунда, чтобы подняться и встать на ноги, необходимо время. И оно тикало безостановочно настенными часами, которые Марья Петровна то и дело шумно заводила.

Осень прошелестела, зима разукрасила окна избы диковинными узорами.

В декабре Сулейман вновь подошёл к своей чёрной дыре на том берегу замёрзшей Буравки. Только она была совсем не чёрной. И не дырой. Зима закрыла плотным снежным одеялом все земные изъяны. Он даже растерялся немножко, но быстро расправил плечи. Вход в царство спокойствия и призвания он и с завязанными глазами б определил. Снял с плеча лопату, и пошла работа – коп за копом, шаг за шагом...

И так продолжалось семь лет. Каких только закавык не преодолел он за это время! Однажды кирка звякнула о кирпич. Оказалась целая стена. Пробил её и вполз в заброшенный погреб. Что такое? Проверил по верху – оказалось, что это достопамятные Грибки, покрытые холодным саваном забвения. Обогнул мёртвую деревню и пошёл под землёй дальше. Не преодолел и двухсот метров, опять нестандартность – не суглинок, не известняк, а гроб прогнивший, полный костей человеческих, с черепом и монетами в глазницах. Надо же, Грибки крюком миновал, а на кладбище деревни напоролся.

Однако самое страшное было, когда на вторую весну, когда думалось, что подобной напасти и в природе не существует, его подземный ход стало заливать талой водой. Крепёжную структуру обустроил, дорожку для тачки проложил, несколько выходов на склонах буераков пробил... И что теперь, когда в самом твёрдокаменном месте потекло-зафантанизировало? Дренажную систему организовывать? Поздно! Вода прибывала так, что рад бы просто не утопнуть посреди степи! Стал остервенело дальше пробиваться и – о чудо! – вышел на такую пористую почву, что она поглотила весь потоп в какое-то одночасье. Интересно, откуда происходит выражение, «мокрый, как мышь»? Кто его знает! Но вполне соответствующим этой поговорке и вернулся домой. Башмаки хлюпают, с хвоста бороды капает... Да, верно, и бородой за время миссии оброс, а ведь как брился, как одеколонами умывался когда-то! Ничего, после подземной ванны всего недельку провалил-

ся дома в простудной горячке. И опять вперёд!

Но случались и светлые минуты. Раз, было дело, долбанул ломом, и открылась перед ним до боли близкая сердцу картина: мать сидит за своим извечным вязанием, отец склонился над какой-то радиосхемой, паяльником орудует, аж запах канифоли в ноздри!.. И квартира ещё та, допанельная, в другой части города, в двухэтажном бревенчатом доме с резными наличниками на окнах. И всё там на месте. На подставках китайские вазы, у зеркала катушечный магнитофон «Gintaras», в углу чёрно-белый телевизор «Рекорд». Такая техника у них первой во всей округе появилась. Друзья-мальчишки вечерами приходили фильмы посмотреть, размещались кто где – на диване, стульях, на ковре... домашний кинотеатр, словом.

Шагнул в проём, мать говорит: «Где пропадал? Твои любимые голубцы давно остыли». Сулейман в ответ: «Как обычно, в парке. На коньках катался», а сам от сковороды на столе глаз оторвать не может. Проголодался, полдня на катке шайбу гонял. Мать: «Раздевайся скорей, в сосульку весь превратился!»

И точно, холод до самых печёнок прорвал. Дёрнулся во сне, очнулся... Лежит он на промёрзлых досках в попутыме, шахтёрский фонарь лучом в стену упёрся. И никакой старой квартирь, ни отца, ни матери, ни китайских ваз. Надо же, после перекуса уснул на рабочем месте! А на душе всё равно потеплело. Былое, память, сны о прошлом были для Сулеймана вполне материальны. Они – та же жизнь, только не впереди и не сию минуту. Он любил в них погружаться, особенно, когда они воскрешали близких сердцу людей.

Семь лет... За это время без хори, без намёка умерла Марья Петровна, возложив хозяйство по сути на одну дочь. Не дождалась внуков. А так хотела понянчиться! Но жизнь человеческая не на земле отмеривается.

На седьмом году деревенской жизни Сулейман услышал утром по радио, что

организованная преступная группировка «панели» больше не существует. Её лидеры получили разные сроки заключения. «Нормальная жизнь в микрорайоне, да и в целом в городе восстановлена», – бодро сообщил диктор.

Каждое утро на протяжении семи лет Марфа приветливо будила мужа, кормила завтраком, собирала на работу и провожала, выходя далеко за ворота. А потом встречала, будто в дом не возвращалась.

Нельзя сказать, что со своей бесконечной миссией он оставил дом и всё хозяйство без своего мужского присмотра. У него же, как у всякого нормального человека, предполагались выходные дни. По субботам и накануне праздников подземные смены свои он укорачивал, а по воскресеньям и прочим красным датам не считал зазорным отдохнуть полностью. Отдохнуть – это значило поработать дома. Сугубо городской житель, он худо-бедно принародился к обязанностям деревенского мужика – поправил покосившуюся под гнётом лет баньку, поставил вокруг дома новый забор, а уж вскопать огород или копать картошку в поле – тут проблем вовсе не было, лопатой он орудовал профессионально. Кроме картошки не всё, конечно, получалось у него ладно, но Марфа, хорошо знавшая деревенский уклад и сама не чуравшаяся мужского труда, не роптала, всё мужем сработанное ей нравилось.

Так и жили. Что правда, то правда, не сладко приходилось без Марии Петровны. Не только из-за потери опытной хозяйки и всё знающих работающих рук. С её уходом, будто родимое гнездо обнажённым осталось без материнского крыла над собой. Да и то сказать, семья нежданно убыла, а жданно не пополнялась.

Как-то она не разбудила его утром.

Это было в августе седьмого года. Сулейман сам проснулся. Она сидела напротив, скрестив руки под сердцем, и странная улыбка, какой он раньше не видывал, блуждала на её бледном лице.

– Ты чего это, Марфуш?

– Ничего, – ответила она.

Сулейман пошёл собираться на работу. Марфа, как обычно, вышла провожать его.

– Скоро твоя миссия закончится, – сказала она.

– С какой стати? – закинул он лопаты на плечо.

А у моста его вдруг осенило, и он кинулся было обратно домой, но вдруг встал, как вкопанный, вернулся, поднял брошенный инструмент и зашагал через поле к буераку, где кончался один отрезок подземелья и пробит был вход в другой. Он шёл, ульбался и представлял себе, что не к оврагу приближается, не к «своей барсучьей норе», а к дому. Вон она, Марфа... Как вышла за ворота, так и стоит, будто знает, что он тут же вернётся. Он подхватывает её, точно пушинку:

– Правда, что ли?

– Осторожно!

– А я-то, балбес, отсыревшими мозгами своими только на берегу допёр!

– Господь Бог смилиостивился над нами...

– Господь... – вслух повторил Сулейман. И уже на всё поле: – Скажи ещё: Святой Дух постарался!

Он произнёс это и громко рассмеялся каким-то раскрепощённым, свободным смехом. Парочка жаворонков вспорхнула из-под ног, взметнулась над овражиной и залилась в вышине звонкой трелью, подчёркивая тишину и спокойствие позаброшенных людьми деревушек, безжизненных полей, переходящих в необъятные степи.